

Н.Н. Сосна

НЕОБРАТИМО ВИДИМОЕ. ТЕХНИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Сосна Нина Николаевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: phljml@yandex.ru

В статье на примерах подходов Сартра, Мерло-Понти и Монзэн рассматривается понятие «обратимости» как структурирующее опыт восприятия видимого. Показывается, что неустанное переключение взгляда между мной и Другим у Сартра, «наложение» (*l'empîement*) одновременно с «вскрытием» плоти мира в работах Мерло-Понти, безостановочное движение смыслов при обмене мнениями об увиденном у Монзэн обеспечиваются именно операцией обратимости, или возвратно-поступательным движением в поле видимого. Отмечая, что обратимость выделяется как «техническая» для указанных трех типов анализа фундаментальных структур *человеческого* восприятия, автор переходит к разворачиванию этой операции с учетом категории технического, необходимым дополнительным условием сегодняшнего дня. Привлекая материал современного технологического искусства, она выдвигает гипотезу о том, что обратимость, обеспеченная техническими средствами, переводит герменевтически бесконечную обратимость, характерную для предшествующего периода, в режим необратимости. Что имеет свои следствия для субъективных взаимодействий с техникой: едва ли обретая возможность видеть «сразу все», что возможно, видящий взаимодействует с новым для себя.

Ключевые слова: техника, обратимость, реверсивное движение, человеческое, субъективность

В истории осмысления видимого и создания языка описания, превосходящего язык искусствоведения и даже эстетики, по крайней мере, традиционно ориентированных, но не уступающего языку этих дисциплин ни детальностью описания, ни фундаментальностью формулируемых задач (что к концу XX в. привело к широким обсуждениям «визуального поворота», «иконического поворота» и т. д.), выделяется понятие обратимости. Пристальное разглядывание, составляющее основу визуального опыта, в подавляющем большинстве случаев негативно маркируемое (от библейского повеления «проходите, здесь не на что смотреть!») до признаний французских философов о том, что разглядывание ничего не прибавляет к первоначальному

восприятию), а ныне легко соскальзывающее в вытесняющие зрение на коммуникационную периферию и порой вовсе замещающие его «мультимодальное» и «полисенсорное», часто выступало в связке с обратимостью взгляда, встречей взглядов, обменом взглядов и т. д. Складывается впечатление, что неструктурированное обратимостью видение человеком чего бы то ни было едва ли представлялось возможным. Поясним это на примерах трех теоретических подходов.

1. Знаменитым фрагментом из «Бытия и ничто» (1943) о подглядывании в замочную скважину, в котором субъект обнаруживает себя через ощущение на себе взгляда Другого, Ж.-П. Сартр фактически возводит область видимого на небывалую высоту, показывая, что именно в этой неуловимой, двусмысленной, иллюзорной и как будто обманчивой области и происходит обнаружение субъектом себя самого. Можно было бы привести множество примеров из других работ Сартра, в том числе художественных, но резкость, с которой проблема представлена именно в этом отрывке, позволяет уловить роль обратимости: она выводит на одну и ту же сцену меня и Другого, меня-для-себя и меня-для-Другого, в непримиримом противостоянии, в непрекращающейся дуэли не просто двух взглядов, но двух субъектов, каждый из которых претендует на главенство – и между ними и обращается нечто, что делает их субъектами через видимое.

Напомним кратко историко-философский контекст того периода, связанный с феноменологией и личной историей формирования взглядов Сартра, неоднозначным, изменчивым и иногда противоречивым развитием его идей. В нескольких работах помимо «Бытия и ничто» – «Воображаемом», «Очерке теории эмоций», «Трансценденности эго» – Сартр не раз пересматривал свои позиции, подходя к вопросу видения с разных сторон: со стороны воображения, оперирующего образами Другого, отсутствующего в данный момент; со стороны восприятия, предъявляющего Другого сразу и целиком; со стороны объективации и неантизации, ограничивающих и угрожающих в одинаковой степени и для меня, и для Другого. Хорошо известно, что эти размышления Сартра послужили одним из существеннейших поводов к пересмотру тем предшествующей философии и разработке новых, прежде всего темы Другого, над чем работали затем и Левинас, и Бубер, и Лакан и многие другие. Мы же останавливаемся здесь на идеях Сартра, чтобы указать на почву, из которой начинают образовываться структуры, связанные с понятием обратимости: даже если у Сартра они еще не охватывают согласно новой логике «и-и» то, что логика предшествующих периодов разводила по разные стороны оппозиций «или-или» (субъект-объект, сознание-объект, воображение-восприятие, «я»-«мир» и т. д.), здесь во многих случаях уже расчищено поле для того, чтобы обратимость, или, как это фигурирует в текстах последующих авторов, реверсивное движение уже могло иметь место.

Важно подчеркнуть, что несмотря на связанность темой воображения, столь важной для европейской традиции и во многом наследующей сложившейся в христианской мысли аргументации в пользу иконической модели (и следы, быть может, неосознанного ее использования возможно проследить даже у Сартра), Сартр многое инвестирует именно в визуальное восприятие, которое описывается как воздействие большой силы, весьма, нужно сказать, отличное от рафинированных «аппрезентаций» Гуссерля, разложенных на то, что можно видеть в данный момент (три грани куба), и то, о чем можно подозревать (шесть граней куба, о которых известно, что они непременно есть).

Итак, предъявляя Другого, появляющегося на садовой дорожке и смущающего, смешивающего горизонты моих ожиданий¹, Сартр запускает целую серию безостановочно сменяющихся друг друга состояний, которые конфликтуют между собой: когда «я» может считать себя субъектом, которого ограничивает только Другой; когда «я» осознает, что Другой оказывается более действенным, объективируя «меня» в своих целях; когда «я» стремится взять верх над Другим, объективируя его в свою очередь. Многие современные исследователи творчества Сартра объясняют эту переключаемость или реверсивность, обнаруживаемую нами здесь в связи с темой видимого, амбивалентностью его письма и используемых понятий, например, таких как «инерция»², «липкое»³, «стыд» и «тошнота», даже собственно «ничто»⁴. В нашу задачу не входит определение того, как было бы уместнее это называть, мы обращаем внимание здесь на структуры обратимости, обнаруживающие себя в связи с разглядыванием, с опытом видения, с описанием и пояснением самого процесса видения. Приведем несколько типичных цитат, в которых проступают названные связи: «Таким образом, появление взгляда постигается мной как возникновение эк-статического отношения бытия, одним из членов которого являюсь я, как для-себя, которое есть то, чем оно не является, и не есть то, чем оно является, и второй член которого есть снова я, но вне своего понимания, своего действия и познания»⁵. Или: «Это бытие вообще не является в-себе, так как не производится в чистой индифферентности внешнего отношения; но оно не является также и для-себя, так как не есть бытие, которое я имею в бытии, ничтожась им. Оно как раз есть мое бытие-для-другого; оно разорвано между двумя отрицаниями противоположного происхождения и обратного смысла...»⁶.

Заметим, что, как это ни покажется парадоксальным, избранная терминология Сартра производит впечатление достаточно условной: другой как всего лишь только «вероятный человек», любой субъект вне сознания как не более, чем объект (по крайней мере, для раннего Сартра), и т. д. На этом фоне фактически единственно стабильным оказывается только динамическое движение, на которое терминологические поиски Сартра настойчиво указывают – реверсивное, конечно, прежде всего от меня к другому и обратно. Даже если верно⁷ – а может быть, именно благодаря тому, что – то, что ни на каком этапе своей работы Сартр не готов был признать существование ни смягчающей конфликт (например, до обмена) «промежуточной реальности», ни объемлющей противоположности реальности, особенно принципиально подчеркнуть, что едва ли ему удастся выстраивать здание своей теории видимого и Другого без использования этих фундирующих структур обратимости.

¹ Так начинается знаменитый фрагмент о взгляде, оказавший большое влияние на последующее развитие теорий о видимом, от психоаналитических до киноведческих (*Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М., 2012).

² *Giovannangeli D.* Sartre et le refus de l'inertie // *Giovannangeli D.* La fiction de l'être: lectures de la philosophie moderne. Brux., 1990. P. 109–128.

³ *Dawans S.* La logique du visqueux // *Dawans S.* Le spectre de la honte. Une introduction à la philosophie sartrienne. Liège, 2001. P. 36–40.

⁴ *Meyers M.* Liminality and the Problem of Being-in-the-world. Reflections on Sartre and Merleau-Ponty // *Sartre Studies International*. 2008. Vol. 14. No. 1. P. 78–105.

⁵ *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. С. 471.

⁶ Там же. С. 453.

⁷ Подробнее аргументы разных исследователей представлены в статье: *Перцева А.А.* Видимость субъекта между воображением и восприятием. Сартр и Мерло-Понти // *Филос. журн.* / *Philosophy Journal*. 2016. Т. 9. № 3. С. 77–105.

2. Напротив, в работах М. Мерло-Понти, выстраивающихся сначала диалогически и в продолжение, а потом все более в споре с Сартром, с каждым разом все явственнее проступает эта объемлющая реальность, загадочная, исконная, поддерживающая возможный обмен между противоположностями именно потому, что она фактически им предшествует, и которая в конце концов получает имя «плоти мира». И здесь уже открыто делается ставка на обратимость.

Однако прежде, чем привести существенные характеристики «плоти мира» в интересующей нас здесь перспективе обратимости, которые можно найти в ключевой главе «Переплетение-хиазм» из неоконченной работы «Видимое и невидимое» (опубликованной в 1964), укажем на не менее интересные и полезные для нас предшествующие разработки Мерло-Понти, связанные с такими понятиями, как «наложение» и принятие во внимание «слепых зон»: вместе они, на наш взгляд, позволяют проследить, как «сцеплялись» противоположности в глазах Мерло-Понти и как они в известном смысле теряли (это упрек многих современных исследователей Мерло-Понти, к чему мы еще вернемся) свою специфичность, притом не только свою субъектность, но и свою человечность (что, нужно отметить, делает Мерло-Понти необычайно привлекательным для самых актуальных разработок).

Понятие «наложения» (*l'empîement*)⁸ появляется у Мерло-Понти для характеристики отношений, необходимо включающих конфликтность, где конфликт как раз является не столько затруднением коммуникации, сколько ее условием. Использование этого понятия позволяет говорить о том, что две субъективности как бы «накладываются» друг на друга. Соответственно, помимо чисто визуальных эффектов этого процесса наложения, важных, вероятно, для Мерло-Понти, но важных и для контекста настоящей статьи, прослеживается и неожиданная связь с изучаемым ныне в STS⁹ объемом понятия *entenglement*.

Кроме того, Мерло-Понти, знакомясь также с работами психоаналитиков, пришел к выводу, что восприятие, никогда полностью не совпадая с сознанием того, что было воспринято, включает также «слепые зоны», которые при определенных условиях могут оказаться осознанными. Соответственно, по его мнению, мы не в состоянии резко противопоставить, например, восприятие воображению хотя бы потому, что восприятие никогда полностью не совпадает с тем, что Сартр называл «наблюдаемым», и необходимо включает эти зоны воображаемого, участвующего в процессе восприятия (и снова, как и в случае двух субъективностей, граница и здесь, между восприятием и воображением, делается менее четкой).

Тот факт, что наложение, как считают многие комментаторы, размывает границу между мной и Другим, а наличие «слепых зон» способствует смешиванию воображения и восприятия, дает несколько поводов предьявить

⁸ На это понятие обращает внимание известный современный исследователь Мерло-Понти Э. де Сен Обер. На этого автора ссылается в своей статье, по-своему направленной к выяснению роли субъекта, и А. Перцева. Быстро переходя к следующим этапам работы Мерло-Понти с темами восприятия и воображения, А. Перцева тем не менее признает, что «неопределенность между мной и другим, между насилием и пониманием, позволяет Мерло-Понти выйти за рамки двухчастного анализа Сартра из “Бытия и ничто”, в котором отношение с другим колеблется между крайностями садизма и мазохизма. Мерло-Понти... настаивает на *обратимости* (курсив мой. – Н.С.) и одномерной работе двух установок». Будучи признательны обоим авторам, мы предлагаем рассмотреть это понятие скорее в ряду «технических» «операций». См. соответственно: *De Saint Aubert E. De l'être brut à l'homme. Contextualisation de deux notes inédites de Merleau-Ponty // Chiasmi International. 2006. Vol. 7. P. 25–30; Перцева А.А. Образ Другого в ранней теории воображения М. Мерло-Понти // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2017. Т. 10. № 1. С. 125.*

⁹ *Science and Technology Studies.*

Мерло-Понти претензии в неясности изложения, необъясненных переходах «трюизмов в нечто неочевидное», и в конце концов оперированию в зоне неразличимости. Последнее, безусловно, создает трудности для читателя, но, с другой стороны, позволяет вскрыть действие операций, которые как раз осуществляются в этой зоне неразличимости.

В связи с этим попытка Мерло-Понти сделать мыслимым сосуществование активности и пассивности, зрения и видимости в отношении «плоти мира» также вызывает недовольство многих современных исследователей. Они полагают, что либо он сделал слишком много, приняв разделение на видящего и видимого, переживаемое и объект, и в этом случае хиазм вводит отношение принадлежности воспринимающего миру, чью совместимость с конституирующей активностью чувствования сложно доказать (если понятие плоти рассматривается как средство освободиться от философии сознания, неизбежно – с точки зрения многих исследователей – или теряется активное начало, «растворяющееся» в плоти мира, либо утверждается отличие моей плоти от плоти мира, что фактически означает реставрацию сознания), либо слишком мало, если признавать изначальное единство активности и пассивности в качестве фундаментального факта опыта, тогда хиазм ограничивается тем, что формализует ситуацию в понятиях, которые эта ситуация ставит под вопрос¹⁰.

Однако нам здесь важно указать на этот почти «технический момент», когда в аргументацию Мерло-Понти на разных этапах встраивается понятие обратимости, которая снова осуществляется в области видимого или в связи с ним. Действительно, можно сделать выводы о том, что наделение вещей зрением (как и «объективация» Другого или меня) ведет к некоторой неразличимости, появление которой мы уже фактически наблюдаем в следующих цитатах: «Поскольку я вижу, необходимо (как отлично демонстрирует это двойной смысл слова видеть), чтобы видение дублировалось с помощью дополнительного, или другого, видения: видения меня самого извне, каким видел бы меня другой, обустроившийся в середине видимого и осуществляющий его рассмотрение из определенного места»¹¹. Тот же взаимообмен Мерло-Понти видел в «Прозе мира»: «Взгляды, которыми я водил по вещам, как слепой дотрагивается до вещей своей тростью, кто-то схватывает с другой стороны, *оборачивает* (курсив мой. – Н.С.) их против меня, чтобы в свою очередь потрогать меня. Я больше не ограничиваюсь чувствованием: я чувствую, что меня чувствуют, и что меня чувствуют как чувствующего, чувствующего тот самый факт, что меня чувствуют...»¹². Или: «видение, которое он [видящий] практикует, он также испытывает на себе и со стороны вещей, и по той же самой причине, как говорят многие художники, я чувствую себя рассматриваемым вещами»¹³.

В связи с этим обратимость выступает фактически той самой операцией, которая призвана осуществлять поляризацию, расслаивание, «вскрывание» нейтральной по сути плоти мира. Именно она поддерживает, например, «примыкание» видимого к видящему. Это важно подчеркнуть даже при том, что сам Мерло-Понти предостерегал: обратимость между видящим и видимым никогда не бывает полной и всегда предполагает разрыв, что она «отсро-

¹⁰ См., например: *Barabaras R. De l'être du phénomène. Sur l'ontologie de Merleau-Ponty.* Grenoble, 1990.

¹¹ *Мерло-Понти М.* Видимое и невидимое. Мн., 2006. С. 195.

¹² *Merleau-Ponty M.* La Prose du monde. P., 1992. P. 187.

¹³ *Мерло-Понти М.* Видимое и невидимое. С. 192.

чена», «не удастся» и «фактически не осуществима»¹⁴. Не говоря уже о современных читателях Мерло-Понти, которые испытывают затруднение при попытках вообразить эти «сцены обратимого взгляда», заставляемые «лабиринт между двумя противоположностями», как, например, Я. Рогозински¹⁵. Немногочисленные апологеты Мерло-Понти приходят к таким выводам: понятие плоти имеет смысл при размышлении, которое «выходит из себя, с головокружением отказывается от любой точки зрения на свой объект, и пытается представить такую артикуляцию между участниками, какую никакой “взгляд” не сможет схватить в единой точке зрения. Артикуляцию, которая оказывается “переходом” от одной точки зрения к другой, переходом, который может осуществляться только с одной или другой точки зрения»¹⁶. Как замечает далее М. Гоше, «...когда мы исследуем зрение, мы вынуждены вставать поочередно то на точку зрения видящего тела, то на точку зрения видимых вещей»¹⁷. Показательно, что в подавляющем большинстве случаев необходимость совершать подобные действия квалифицируется как невозможная для человеческого глаза и ведет порой даже к констатации отсутствия того, кто мог бы таким зрением располагать, то есть отсутствия субъекта. Не торопясь делать выводы, мы предлагаем уловить эту структурирующую обратимость, пока вне зависимости от того, кто мог бы быть ее субъектом. То есть, во-первых, подчеркнуть наличие этого движения обратимости и, во-вторых, отметить, что это именно обратимость.

3. В отстоящем от работ Сартра и Мерло-Понти на несколько десятилетий категориальном поиске М.-Ж. Монзэн также обнаруживает себя сходная операция. Посвятив не одно десятилетие разбору того, что означает икона не столько как специфический объект и тем более не как предмет истории искусства, а именно как модель видения¹⁸, она далее экстраполирует свои выводы о природе образа на более широкую область видимого и утверждает, отчасти в сходном с указанным выше смыслом неразличимости в работах Мерло-Понти, что «видимое и взгляд расслаиваются в направлении неопределенности видимого объекта»¹⁹. Именно отсюда появляется становящаяся для нее все более важной операция вынесения суждения как свободное решение взгляда. То есть видимое ухватывается в динамической неопределенности. Соответственно, говорить о «перспективе» и «точке зрения» – значит подразумевать, что каждый сталкивается с конкурирующими взглядами, направленными на мир. Поэтому то, что она называет отсутствием перспективы в иконе, является реализацией в области видимого совмещения всех возможных точек зрения в одном плане.

Эта динамическая неопределенность связана с безостановочным движением смыслов. То, что имеет смысл, не привязывается к какому-либо определенному месту, обладающему характеристиками устойчивости, ибо то, что имеет смысл, – это подвижность как таковая (почти можно сказать «движение наложения»), но Монзэн формулирует как «нанесение знаков поверх пустоты»²⁰). Эта операция вовсе не приравнивается ею к симуляции, то есть

¹⁴ Мерло-Понти М. Видимое и невидимое. С. 199, 353, 214.

¹⁵ Rogozinski J. Le moi et la chair. Introduction à l'ego-analyse. P., 2006.

¹⁶ Gauchet M. Le lieu de la pensée // L'Arc. 1971. No. 46. P. 21.

¹⁷ Ibid. P. 23.

¹⁸ Подробно об этом см.: Mondzain M.-J. Image, Icône, Économie. Les sources byzantines de l'imaginaire contemporain. P., 1996.

¹⁹ Mondzain M.-J. Le commerce des regards. P., 2003. P. 159. Использован термин l'indécidabilité.

²⁰ Ibid. P. 160.

созданию того, чего нет, она лишь подчеркивает важность движения смыслов, обеспечивающих свободу суждения, так как судят не столько о природе объекта, сколько о смысле движения.

Утверждая, что видимое структурно неопределенно, что образ не имеет онтологического статуса и указывает только на отношения и связи, Монзэн не устает указывать на возникновение значения видимого только из совместного разглядывания, ибо только из обмена взглядами связывается тончайшая вуаль смыслов того, что мы видим. Поэтому речь здесь не идет о симуляции или копировании, но – о совместном свободном суждении, выносимом о том, кто предлагает себя взгляду. (И это – ее «добавление» к кантианской программе Х. Арндт, поскольку известная «незаинтересованность» связана прежде всего с фундаментальными и неопределимыми процессами, протекающими в области видимого, более глубинными, чем те, что подлежат словесной артикуляции.)

Описывая эту неопределенность и действующий в ней обмен взглядами, Монзэн иногда говорит о реверсивности движения, поддерживающего этот обмен, иногда – о смещении, иногда – об игре смыслов. Однако характер этих движений позволяет и для случая Монзэн также использовать понятие «обратимости», также необходимым образом характеризующее обмен.

Показательно, как в более поздних ее работах взаимодействие и обмен между участниками через область видимого в линейном жесте обратимости расширяется, разворачивая эту обратимость во многих плоскостях и на разных уровнях, до создания некой «вуали». В более ранних исследованиях, посвященных иконе, она концентрируется в большей степени на таком типе реверсивного движения, которое происходит в дополнительном режиме, логически соответствующем некому третьему типу, в котором видимое возникает благодаря уклонению, уходу, опустошению. Тогда Монзэн выбирала пару понятий *trait-retrait* (что на русский язык можно перевести как очерк-прочерк), чтобы сохранить напряжение, так как если бы аргументация была выстроена только через *trait*, «старая философская традиция линейной арматуры гомогенного пространства снова была бы восстановлена в правах». Направленные же друг к другу, движения очерчивания и вычеркивания создают условия для возможного появления фигуры, описывая присутствие-отсутствие. Поэтому и здесь, представляя икону в качестве схемы восприятия, создаваемую разнонаправленными векторами сил (центробежных и центростремительных, непосредственных и опосредованных одновременно), Монзэн, утверждая, что икона не отсылает к реальности более «сильной», реальности внешней ей модели (ибо далекое – в самой иконе), говорит, что место иконы – место движения. Исследовательница называет и тип движения того, к кому отсылает икона: *vas-et-vient*, относительно здесь и относительно не здесь. Двигаться отодвигаясь – это тоже создавать вуаль. Ткань Монзэн представляет планом записи, которая обнаруживает, являет, даже воплощает; как то, что предлагает загадку своей поверхности дешифровке открытых глаз. Вуаль не обнажена, она покрыта знаками, материей, цветом. Тонкий пленочный объект, названный когда-то тем же словом, что одежда женщин, а также театральные объекты. Рвущаяся и хрупкая поверхность, без конца сшиваемая и распарываемая, «которая в каждый момент производит скрещение нитей, которые мы между собой протягиваем», – и это уже явная отсылка к обмену взглядами как обмену мнениями о том, что же мы видим.

В этой кажущейся неясности, неопределенности, порой метафоричности, появляющихся в работах Монзэн, так же, как и в работах Мерло-Понти, обнаруживается тем не менее эта операция обратимости, реверсивное дви-

жение. В контексте данной статьи важны даже не столько ткань или плоть, которые такая реверсивность как будто должна обеспечивать, сколько эта операция. Важна потому, что, развернутое в сторону технического взаимодействия, рассмотрение этого движения позволяет поставить не менее фундаментальные и актуальные вопросы, чем те, которые ставились раньше, только теперь уже в связи с техникой. Действительно, и Сартр, и Мерло-Понти работали так, как если бы техники не существовало, Монзэн же эксплицитно отодвигает вопросы, связанные с действием технических средств, даже если имплицитно некоторые темы, связанные с техникой, появляются в ее текстах. К каким выводам можно прийти, если хотя бы до некоторой степени учитывать действие технических средств и позволить ему быть частью описания?

Прежде чем предложить варианты ответа, приведем два примера из той области современного искусства, для которой характерно активное экспериментирование с различными медиа и техническими устройствами. Обратим внимание, во-первых, на так называемую **eye-tracking technology**, когда движение глаз человека отслеживается машиной и видимым образом переносится на экран монитора и мы *видим*, как из множества зарегистрированных аппаратом линий и штрихов, «прочерчиваемых» между движениями зрачков (чьих – это не самый актуальный вопрос здесь), возникает некая статистическая «вуаль», в которой мы можем опознать нечто напоминающее «портрет» (как в случае работы с выставки «Дом впечатлений», 2016). Конечно, подобные технологии адаптированы для человеческого глаза и «выдают» такую «картинку», которую человек может воспринять (поэтому ими представляется, безусловно, не весь спектр линий), попутно в очередной раз проблематизируя то, что мы считаем портретом, что мы считаем искусством и т. д. Но, может быть, более важно то, что ими фактически осуществляется то «сканирование», которым один из первых теоретиков медиа В. Флюссер описывал процесс видения в начале книги о философии фотографии²¹.

Во-вторых, обратимся к проекту «Образ спасения – спасение образов»²², в течение которого, во время перформанса и мини-конференции с участием теоретиков и художников, при помощи специального алгоритма компьютером было обработано множество фотографий несанкционированного пересечения водных границ беженцами из Ливии и создан ряд специфических изображений, визуально достаточно отдаленно напоминающих привычные человеческому глазу фотографии, но, возможно, именно по этой причине привлекающих взгляд, «замыленный» или анестезированный более привычными изображениями (фото- и видеодокументами) (что и было одной из целей проекта).

В сердцевине одного и другого примеров – работа машины, работа компьютера по обработке данных и выдаваемый более (в первом случае) и менее (во втором случае) человекосообразный результат. В обоих случаях сканирование и реверсивность операций зрения осуществляются машиной: та «техническая» операция обратимости, структурирующее действие которой мы

²¹ Ср.: «Значение изображения лежит на поверхности. Его можно схватить с одного взгляда – но тогда оно остается поверхностным. Углубить значение означает реконструировать абстрагированные измерения, и для этого следует разрешить взгляду блуждать по поверхности. И это блуждание по поверхности изображения должно называться сканированием. И это означает, что взгляд следует по сложному пути, который задается, с одной стороны, структурой изображения, а с другой – интенциями зрителя» (Flusser V. Für eine Philosophie der Photographie. Göttingen, 1983. S. 8).

²² URL: <https://m.hebbel-am-ufer.de/programm/programm/alphabetisch/lesage-bild-der-rettung> (дата обращения: 05.09.2018).

обнаруживали в исследованиях Сартра, Монзи и Мерло-Понти, здесь действительно становится технической, потому что выполняет ее техническое устройство. В обоих случаях мы видим меньшую (в первом случае) и большую (во втором случае) тотальность видимого, ту совокупность взглядов, прямых и возвращенных, которые могли бы возникать при «ощупывании» глазом поверхности. Здесь речь не идет только об одном субъекте, как не идет она даже о динамической паре «я»-Другой: представленные «изображения» собираются из большого количества взглядов, встреченных, обращенных и наложенных друг на друга.

Едва ли мы можем объяснить это в привычной для некоторых медиа-теоретиков перспективе «овнешнения», то есть вынесения недавно считавшихся сущностно антропологическими особенностями вовне и передаче «на откуп» техническим устройствам, которые нас таким образом, как считается, обедняют и объективируют (характерный пример здесь – серия «Техника и время» Б. Стиглера). Что именно вынесено вовне, если мы видим как бы карту возможных взглядов, причем возможных не только для меня и не только для Другого? Что означала бы в данном случае «дополненность» (в смысле *augmented*)? Характерно, что другой французский теоретик, Ж.-Л. Марьон, также занимавшийся сходными проблемами описания видимого и также настроенный антитехнологически, приводя картину как пример «насыщенных феноменов», пришел к выводу, что для ее разглядывания требуется «бесконечная герменевтика», т. е. **бесчисленные походы в музей, где настоящая картина будет открывать для нас все новые смыслы**²³. Здесь же, в случае изображений, полученных при помощи технических устройств, мы видим то, что увидеть невозможно, по крайней мере, невозможно для человеческого взгляда: например, карту возможных взглядов с большой степенью полноты (хотя смыслы, о которых пишет Марьон, тоже по-своему не вполне человеческие). Возможно, именно эта слишком большая насыщенность делает изображение, полученное техническими устройствами, каждый раз новым, не позволяя, таким образом, использовать, например, понятие воспроизводимости.

Поэтому нам представляется важным еще раз вернуться к понятию обратимости уже на этом этапе. Выскажем следующую гипотезу. С одной стороны, если связать обратимость с человеческим взглядом, к чему как будто подводит предпринятый здесь анализ, «перехваченная» и дополненная техникой компьютерной обработки видимость предстает как необратимая, созданная и предъявленная в своей полноте. С другой же стороны, взаимодействие с технологически видимым производит свой эффект и в субъективности, наделяя и человеческое новыми смыслами.

Список литературы

Мерло-Понти М. Видимое и невидимое / Пер. с фр. О.Н. Шпарага. Мн.: Логвинов, 2006. 400 с.

Перцева А.А. Видимость субъекта между воображением и восприятием. Сартр и Мерло-Понти // Филос. журн. / *Philosophy Journal*. 2016. Т. 9. № 3. С. 77–105.

Перцева А.А. Образ Другого в ранней теории воображения М. Мерло-Понти // Филос. журн. / *Philosophy Journal*. 2017. Т. 10. № 1. С. 116–135.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр. В.И. Колядко. М.: АСТ, 2012. 925 с.

²³ См.: *Marion J.-L. De surcroît. Etudes sur les phénomènes saturés*. P., 2001.

Barbaras R. *De l'être du phénomène. Sur l'ontologie de Merleau-Ponty*. Grenoble: Million, 1990. 379 p.

Dawans S. *La logique du visqueux // Dawans S. Le spectre de la honte. Une introduction à la philosophie sartrienne*. Liège: Editions de l'Université de Liège, 2001. P. 36–40.

De Saint Aubert E. *De l'être brut à l'homme. Contextualisation de deux notes inédites de Merleau-Ponty // Chiasmi International*. 2006. Vol. 7. P. 25–30.

Gauchet M. *Le lieu de la pensée // L'Arc*. 1971. No. 46. P. 19–30.

Giovannangeli D. *Sartre et le refus de l'inertie // Giovannangeli D. La fiction de l'être: lectures de la philosophie moderne*. Brux.: Editions De Boeck Université, 1990. P. 109–128.

Flusser V. *Für eine Philosophie der Photographie*. Göttingen: European Photography, 1983. 77 S.

Marion J.-L. *De surcroît. Etudes sur les phénomènes saturés*. P.: PUF, 2001. vii, 208 p.

Merleau-Ponty M. *La prose du monde*. P.: Gallimard, 1992. 238 p.

Meyers M. *Liminality and the Problem of Being-in-the-world. Reflections on Sartre and Merleau-Ponty // Sartre Studies International*. 2008. Vol. 14. No. 1. P. 78–105.

Mondzain M.-J. *Image, Icône, Économie. Les sources byzantines de l'imaginaire contemporain*. P.: Seuil, 1996. 304 p.

Mondzain M.-J. *Le commerce des regards*. P.: Seuil, 2003. 256 p.

Rogozinski J. *Le moi et la chair. Introduction à l'ego-analyse*. P.: Cerf, 2006. 368 p.

Irreversibly visual: a technical perspective

Nina N. Sosna

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: phljrn1@yandex.ru

This paper explores some works of Jean-Paul Sartre, Maurice Merleau-Ponty and Marie-José Mondzain under the assumption that it is the notion of 'reversibility' which is in every case responsible for structuring the experience of visual perception. Whether one takes the incessant switching of the gaze direction between myself and the Other in Sartre; or the 'overlying' (*l'empiétement*), coincident with 'dissecting' the flesh of the world, in the writings of Merleau-Ponty; or even the nonstop traffic of meanings in course of an exchange of opinion about things seen in Mondzain, it can be shown that at the heart of mechanism implied in all such ideas there always is the working of reversibility or, to put it more precisely, of reciprocating movement within the visible field. Since, however, for all the three listed types of analysis of fundamental structures of human perception reversibility appears to be merely 'technical', the author proceeds to explicating the said operation by assigning to the technological category a place of its own as the additional necessary requirement of today's thinking. Basing on data collected through a study of contemporary technological art, she advances the hypothesis that reversibility, once secured by technical means, is bound to put the hermeneutically endless reversibility, typical of the previous period, into the mode of irreversibility. This inevitably has a bearing on the subjective interaction with technology, since it is highly probable that, being endowed with an ability to see 'all at once', the one who sees would come into contact with anything new to him.

Ключевые слова: technology, reversibility, reversive motion, human condition, subjectivity

References

Barbaras, R. *De l'être du phénomène. Sur l'ontologie de Merleau-Ponty*. Grenoble: Million, 1990. 379 pp.

Dawans, S. "La logique du visqueux", in: S. Dawans, *Le spectre de la honte. Une introduction à la philosophie sartrienne*. Liège: Editions de l'Université de Liège, 2001, pp. 36–40.

De Saint Aubert, E. “De l’être brut à l’homme. Contextualisation de deux notes inédites de Merleau-Ponty”, *Chiasmi International*, 2006, Vol. 7, pp. 25–30.

Flusser, V. *Für eine Philosophie der Photographie*. Göttingen: European Photography, 1983. 77 S.

Gauchet, M. “Le lieu de la pensée”, *L’Arc*, 1971, No. 46, pp. 19–30.

Giovannangeli, D. “Sartre et le refus de l’inertie”, in: D. Giovannangeli, *La fiction de l’être: lectures de la philosophie moderne*. Bruxelles: Editions De Boeck Université, 1990, pp. 109–128.

Marion, J.-L. *De surcroît. Etudes sur les phénomènes saturés*. Paris: PUF, 2001. vii, 208 pp.

Merleau-Ponty, M. *La prose du monde*. Paris: Gallimard, 1992. 238 pp.

Merleau-Ponty, M. *Vidimoje i nevidimoje* [The Visible and the Invisible], trans. by O. Shparaga. Minsk: Logvinov Publ., 2006. 400 pp. (In Russian)

Meyers, M. “Liminality and the Problem of Being-in-the-world. Reflections on Sartre and Merleau-Ponty”, *Sartre Studies International*, 2008, Vol. 14, No. 1, pp. 78–105.

Mondzain, M.-J. *Image, Icône, Économie. Les sources byzantines de l’imaginaire contemporain*. Paris: Seuil, 1996. 304 pp.

Mondzain, M.-J. *Le commerce des regards*. Paris: Seuil, 2003. 256 pp.

Pertseva, A. A. “Obraz Drugogo v rannei teorii voobrazhenija M. Merleau-Ponty” [Image of the Other in the early theory of imagination of M. Merleau-Ponty], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2017, Vol. 10, No 1, pp. 116–135. (In Russian)

Pertseva, A. A. “Vidimost’ subjekta mezhdru voobrazhenijem i vosprijatijem. Sartre i Merleau-Ponty” [Visibility of the subject between perception and imagination], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2016, Vol. 9, No. 3, pp. 77–105. (In Russian)

Rogozinski, J. *Le moi et la chair. Introduction à l’ego-analyse*. Paris: Cerf, 2006. 368 pp.

Sartre, J.-P. *Bitije i nichto. Opit fenomenologicheskoi ontologii* [Being and nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology], trans. by V. Koliadko. Moscow: AST Publ., 2012. 925 pp. (In Russian)